

МАРИНА СЕРОВА

Леди не промах

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Марина С. Серова
Код знали двое
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182917
Леди не промах: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35601-0*

Марина Серова

Код знали двое

...Было всего часов девять утра, а солнце уже палило немилосердно. «Это лето никогда не кончится», – подумала я, опустила жалюзи и включила кондиционер. Потом плюхнулась на диван, не заметив под собой пульт телевизора, и вздрогнула, когда на экране появился похожий на моржа телеведущий с грустными глазами. Он стал давать советы людям с избыточным весом, как вести себя в такую погоду. К счастью, подобные советы мне были не нужны. Избыточный вес мне не грозил никогда, а моя фигура – предмет зависти многих.

Вытащив из-под себя пульт, я стала переключать каналы. По другой программе красивая певица демонстрировала супермодный купальник на пляже. Может быть, в Майами? Я подумала о том, что надо накопить денег и съездить туда – я бы выглядела ничуть не хуже. Мысли перешли на деньги – их надо заработать. Как это сделать, если новых клиентов нет? Я, Татьяна Иванова, один из лучших частных детективов Тарасова, пока что, увы, без работы. Хотя криминальная обстановка в нашем городе вряд ли нормализовалась, но мой старый знакомый, подполковник милиции Владимир Сергеевич, частенько подбрасывавший мне стоящих клиентов, про меня, похоже, забыл. Рекламу, что ли, дать?

Позавтракав тем, что нашлось в холодильнике, я стала приводить себя в порядок. Пока решала, что надеть, зазвонил мобильник. «А вот и клиент», – машинально подумала я, хотя это было совсем не обязательно.

– День добрый! А мне бы Татьяну Александровну, – вежливо попросил бархатный мужской голос.

– К вашим услугам, – отрекомендовалась я.

– Вас беспокоит потенциальный клиент. Меня зовут Сергей Петрович. Обратиться к вам мне посоветовал Владимир Сергеевич.

«Молодец Владимир Сергеевич, не забывает», – подумала я, а вслух сказала:

– Приезжайте. Знаете куда?

– Нет, лучше уж вы ко мне. Почему именно так, вы поймете позже.

И назвал свой адрес.

– Ждите. Буду максимум через час.

От первого впечатления, произведенного на клиента, многое зависит, поэтому надо и выглядеть соответственно. Я выбрала легкий светлый костюм, состоящий из брюк и блузы с короткими рукавами. Летом трудновато пользоваться декоративной косметикой, но несколько штрихов я сделала. Образ деловой женщины довершила соответствующая прическа, несколько капель любимых «Кензо» и летние туфли на небольшом каблучке. Я посмотрела в зеркало: оттуда на меня глянула очень симпатичная зеленоглазая блондинка с

отличной фигурой. Я подмигнула красавице, взяла сумочку и поехала на встречу.

* * *

В передвижениях по городу мне помогает моя верная спутница – бежевая «девятка». Вырулив со стоянки и выехав в нужном направлении, от нечего делать я попыталась представить внешность клиента и подумала о том, какое у него ко мне может быть дело. Голос, звонивший мне, можно назвать приятным. Бархатный ласковый басок с легкой ноткой елеса. Но – ни капли угодничества, скорее наоборот: угадывалась скрытая волевая струнка.

Мое воображение быстро нарисовало портрет: благообразный мужчина среднего возраста, чем-то смахивающий на ведущего популярного телешоу «Поле чудес». Почему мне представилось именно это, сказать не могу.

«Ну а род занятий?» – спросила я себя.

Скорее всего, бизнесмен средней руки. В моей практике такие голоса встречались чаще всего у представителей этого сословия. У людей, привыкших к разговору с клиентом, заказчиком, но в то же время умевших держать свой авторитет у подчиненных.

От мыслей меня отвлек неожиданный случай: какая-то бестолковая мамаша с коляской вдруг вылетела на дорогу на красный сигнал светофора, чуть не «подрезав» джип.

Внедорожник резко остановился, взвизгнув покрывками. Мне тоже пришлось вдавить педаль тормоза и одновременно выкрутить руль вправо, чтобы не «поцеловать» дорогущую иномарку. Моя ласточка спела рассерженный «вж-и-ик» и застыла. По привычке сразу же мой взгляд переключался на зеркало заднего вида. Следующая за мной «тройка» также выписала кульбит, избегая столкновения уже с моей машиной.

Меж тем из «Гранд Чероки» вышел крепкий парень и несколько секунд смотрел на коляску, словно не веря в то, что та осталась цела. Потом молча отвесил мамаше подзатыльник. Так же, не говоря ни слова, вернулся за руль. Чуть сдал назад и круто влево, таким образом своей машиной перегородив всю проезжую часть дороги. Потом перевез коляску на противоположную сторону улицы. Вслед за тем, далеко не так бережно, переправил туда же и непутевую мамашу, где с ней и случилась истерика.

Надо ли говорить, что рассерженные сигналы водителей и матюги в адрес виновницы затора сопровождали процесс.

Ну а затем некоторое время пришлось потратить на то, чтобы нам всем дружно разъехаться, не поцарапав свои средства передвижения.

Из-за пробки я не успела подъехать на встречу с клиентом к условленному времени.

«Ничего, подождет», – подумала я.

Город мне известен хорошо, и нужный дом я нашла прак-

тически сразу. Это было место в тихом переулке центрального района, считающегося одним из самых престижных. Дом в разгаре заселения, судя по количеству фирменных фургонов с мебелью во дворе, доставлявших покупки своим клиентам. На двух этажах устанавливали стеклопакеты, на одном приводили в порядок балкон – словом, обычные заботы новоселов.

Около дома в свежевыкрашенной песочнице под бдительным оком мам и бабушек играли малыши, рядом рабочие устанавливали качели и лесенки с турниками для спортивной площадки.

Я поинтересовалась у одной бабули, в каком из двух подъездов находится квартира сорок четыре, и, узнав, что иду правильно, набрала номер квартиры и нажала кнопку вызова домофона. Сергей Петрович попросил меня подняться на четвертый этаж.

На четвертом этаже он ждал меня возле открытой двери. Сразу произвел приятное впечатление: лет пятьдесят, красивый, холеный, прилично одетый, гладко выбрит и аккуратно подстрижен.

Он тоже, видимо, был приятно удивлен, увидев вместо засушенной гримзы красивую молодую женщину.

– Фролов, – протянул он руку и предложил мне войти.

Обладатель этой квартиры был явно человеком платежеспособным (факт немаловажный для потенциального клиента).

Господин Фролов предложил мне присесть в зале, а сам отправился на кухню варить кофе. Через некоторое время возвратился в комнату, неся в руках две совершенно очаровательные чашечки с ароматным черным напитком.

– Слушаю вас, Сергей Петрович, – спросила я и сделала глоток. Да, нечего сказать, кофе он варил классически.

– Татьяна Александровна...

– Можно просто Таня.

– Таня, скажите, вы – филателист?

– Что?.. – Я чуть не поперхнулась и на всякий случай поставила чашечку на стол. То есть я, как всякий образованный человек, конечно, знала, что так называют коллекционеров марок. Но марки я не собирала даже в детстве, о чем тут же сказала господину Фролову.

Он вздохнул, не скрывая своего разочарования.

– Ну что ж, ничего...

Я начала терять терпение.

– Давайте перейдем к делу.

– Да, конечно, извините. Дело в том, что у меня украли марку.

– Ну... и?

– Марку очень дорогую.

– Сколько же она стоит?

Сергей Петрович горестно махнул рукой.

– А! Вам не понять. Я не случайно первым делом поинтересовался, филателист ли вы. Но скажите, может, вы... ну,

коллекционер какого-то другого рода? Хотя бы что-нибудь собираете?

Моя мимика была настолько красноречивой, что слова для ответа не понадобились.

– Да-а-а, – протяжно, с изрядной ноткой сожаления в голосе вздохнул он. Смотрел он на меня в тот миг, честное слово, как на безнадежно больную. Последующий его монолог был похож на проповедь священника, пытающегося объяснить сущность истинной веры туземцу-язычнику:

– Да, у каждой марки в моей коллекции есть рыночная цена, но разве это важно? У картин в Эрмитаже тоже есть официальная стоимость, но реально они бесценны. У меня очень дорогая коллекция. Опять же, спросите вы, сколько? Это неважно, по крайней мере – для меня. Конечно, я не миллиардер и не все могу позволить себе купить. Но уж если ко мне в коллекцию попал ценный экземпляр, то у меня нет никакой необходимости продавать его, что бы мне ни предлагали! Такая вещь сама по себе сокровище. А что может быть приятней одной только мысли, что именно ТЫ обладаешь сокровищем? Особенно, если плюс ко всему знаешь, НАСКОЛЬКО это редкая вещь! Что, скажем, в целом мире есть лишь несколько таких же счастливицков– обладателей! Или же – ты вообще единственный, у кого есть данная марка! ЕДИНСТВЕННЫЙ! Вдумайтесь в это слово! Я вас спрашиваю – что может быть лучше?!!

– Та марка, которую украли у вас – единственная в ми-

ре? – с неподдельным любопытством поинтересовалась я.

– К счастью, нет, иначе я бы этого просто не пережил! – сокрушенно вздохнув, качнул головой он. – Но поймите: украдена МОЯ марка, кстати сказать, тоже довольно редкая! И она должна вернуться ко мне. Я не стеснен в средствах, для меня цена в рублях, долларах, евро – не самое главное. Главное, я повторяю, – вещь должна находиться именно в моей коллекции.

Сергей Петрович разволновался, встал, заходил по комнате и продолжал говорить, усиленно жестикулируя.

«Правду говорят, что коллекционеры ненормальные», – подумала я. Внутренний голос добавил: «Но других клиентов у тебя, моя дорогая, пока что нет».

– Давайте перейдем к делу, – эмоции меня мало интересовали.

– Хорошо.

Сергей Петрович открыл встроенный сейф с кодовым замком, достал альбомчик небольших размеров (я где-то читала, что вместилище для марок называется по-другому, но никак не могла вспомнить, как именно). Ни на минуту не выпуская альбом из своих рук, он начал бережно переворачивать листы. На шестом остановился и начал объяснять:

– Обратите внимание, Танечка, на эту марку. Вам нужно ее как следует запомнить.

– Она похожа на ту, которую у вас украли?

– Один в один! Но моя марка имеет большую коллекцион-

ную ценность. Видите фейерверк на заднем плане? Сколько «цветов» нарисовано над Спасской башней?

– Шесть.

– Именно. На моей марке, которую я теперь разыскиваю, их было пять. Моя марка была выпущена в пятьдесят первом, а нынешняя – в 1955 году. И серия 1955 года была достаточно большой. А вот в пятьдесят первом марок выпущено пять тысяч, причем четыре тысячи девятьсот девяносто пять из них были уничтожены почти сразу. Объяснение простое – вот в этом месте (филателист показал пинцетом, в каком именно) брак. Пять штук чудом остались целы. Они-то и являются коллекционной ценностью. Вам, простите, Танечка, дилетанту, этого не понять, у нас, филателистов, свои нормы.

Я сосредоточенно хлопала глазами, пытаюсь что-либо понять. Фролов, видя, что его филателистический ликбез меня утомляет, добавил последние сведения:

– Поэтому марка 1955 года для коллекционера менее ценна.

– Все, поняла.

– Вот мы и дошли до сути. Мою настоящую марку не украли, а подменили этой. Подмену я обнаружил через несколько дней.

– Через несколько дней после чего?

– Двенадцатого июня у меня был день рождения. Дата круглая – пятьдесят пять стукнуло. Никого не приглашал,

пришли поздравить только старые друзья, каковых немного, да родственники. Фуршет, то да се... Марки, конечно же, смотрели. Кстати, Танечка, вы поняли, почему я вас к себе домой пригласил, а не сам приехал?

– Да, конечно, вы же альбом с марками из рук не выпускаете, теперь вот его снова прячете. А на машине да в чужое место!..

Он рассмеялся:

– Не доверять вам у меня нет никакого основания, но... – хозяин квартиры развел руками. – Привычка, как говорят, вторая натура.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– Реально – четверых. Вы же понимаете, что пойти на кражу незаинтересованный человек не мог. Ну а филателистов из числа гостей в этот вечер в моем доме было четверо. Из них двое занимаются той же тематикой, что и я. Но оба – честнейшие и порядочнейшие люди. Грешить не могу. К тому же их коллекции преимущественно другой тематики.

– Ну и что? Они ведь тоже филателисты. Просто вы собираете марки, как я понимаю, с портретами, а они, допустим, с изображением цветов. Предположим: один из них, зная, что марка очень ценная, подменяет ее. С тем расчетом, что потом обменяет на ценный экземпляр своей тематики...

– Тоже верно, – согласился Сергей Петрович. – Я как-то об этом не подумал.

И подытожил:

– Вот такие дела, Танюша. Как вы видите, дело очень тонкое и деликатное. Не могу же я идти в милицию! Меня там просто на смех поднимут. Поэтому я и решил прибегнуть к помощи частного детектива. Если вы готовы помочь, то я сейчас же выдаю ваш аванс – не беспокойтесь, расценки я знаю – и сверх этого, конечно же, оплачиваю «служебные» расходы.

Как пишут в официальных протоколах, «договаривающиеся стороны выразили согласие относительно совместного взаимодействия и подписали взаимовыгодный контракт». Я взяла деньги и расспросила господина коллекционера обо всем, что способствовало бы началу расследования.

Сергей Петрович проводил меня до двери и еще раз напомнил своим бархатным голосом:

– Танечка, только очень вас прошу. Дело чрезвычайно деликатное. Все четверо – мои стародавние друзья, и не имея фактов... ну, вы понимаете. Есть еще один момент: неловкий шаг – и марка ко мне уже не вернется никогда! Прошу вас ничего не предпринимать, не посоветовавшись со мной.

Поговорив еще немного, я надела туфельки, попрощалась с хозяином уютной квартиры и спустилась вниз по лестнице.

* * *

Усаживаясь в машину, я не могла скрыть легкого раздражения. «...Ничего не предпринимать, не посоветовавшись

со мной...» Я ему что, собачка на поводке? Детектив я аль нет? Последняя мысль меня привела в чувство. Что-то здесь не так. Многолетний опыт успешной работы подсказывал, что дело это непростое, а непростые дела вызывают у меня гораздо больший интерес, чем те, за которые можно быстро получить заработанный гонорар.

Настоящим генератором идей я становлюсь после хорошей еды, поэтому сам бог велел завернуть в любимое кафе на Набережной, кстати, находящееся недалеко от дома моего нынешнего работодателя.

Войдя в вестибюль кафе, я увидела старую знакомую. Марина, как всегда, выглядела великолепно в униформе официантки, и клиенты провожали ее восхищенными взглядами.

– Ой, Танюха, привет! – увидела она меня, и, взяв заказ у очередного посетителя, направилась к моему столику. – Тебе как всегда?

Получив утвердительный ответ, походкой супермодели (Клаудия Шиффер и Наоми Кэмпбелл отдыхают!) направилась на кухню.

Я любила бывать здесь. Спокойные синие тона интерьера, прекрасный дизайн помещения и стильная мебель, негромкая музыка. А самое главное – хорошо готовят!

В ожидании обеда я достала листок бумаги со списком тех, кто был несколько дней назад на юбилее у Фролова. Итак: его ближайшие родственники – брат с женой, их мало-

летний сынишка, четверо друзей, про которых он рассказывал, и двоюродный племянник.

Сумка, лежащая на коленях, завибрировала – на время деловых переговоров я отключаю звонок сотового телефона, и мой мелкий помощник сообщает о себе только таким образом. После беседы с Фроловым я просто не успела вернуть ему голос. На дисплее высветился номер Фролова.

– Да...

– Танечка, у меня тут мысли кое-какие появились относительно того, как обставить визит к моим ребятам... Загляните ко мне по возможности.

– Хорошо. – Едва сумев подавить быстро нараставшее раздражение, ответила я и отключила телефон.

«Ну и нахал, еще и часа не прошло, а он уже задания мне дает».

Вернулась к списку.

«Что-то он мне упорно навязывал расследование начать именно с четверых своих коллег-филателистов!»

Неожиданно на ум пришло решение. Честно говоря, продиктовано оно было в большей степени раздражением на моего клиента, нежели чем другим.

Пробежав коротенький список всех гостей того злосчастного для моего клиента дня, я решительно остановилась на племяннике и мысленно поставила галочку напротив его имени.

«А я вот возьму да и сделаю все по-своему. Его родствен-

ники будут первыми, с кем я встречусь из бывших в тот вечер на юбилее. Итак, брат – Фролов Николай Петрович. Блинов Аркадий Андреевич – племянник. Что за племянник? С него и начнем. Он из них всех самый молодой, не считая первоклашку Петьку. Проще будет найти общий язык».

И уже твердо решила, что ничего по поводу первой встречи докладывать господину Фролову не стану. Оставлю ее пока чисто для себя. Подумав, осознала и подоплеку этого импульса: после разговора с господином Фроловым меня не отпускало ощущение странного беспокойства. Такой легкий интуитивный зуд. Причину я понять пока не могла, потому прибегла к испытанному средству: достала из сумочки свои верные кубики, потрясла и выкинула на стол.

Выпала комбинация: $27 + 4 + 20$.

Расшифровка ее была такой: «Обнаружите неискренность людей, которым доверяли».

«Итак, Фролов меня в чем-то обманывает? Зачем? – спросила я себя, убирая кубики в сумочку. – Вот и постараюсь понять, зачем. И пусть Андрей Блинов не в подозрении у дядюшки, тем даже лучше – в разговоре с племянником как раз можно невзначай и личность самого Фролова пощупать. И оценку остальных участников событий как бы со стороны получить».

Немаловажным фактором для первоочередного общения я посчитала и то, что мы с ним почти сверстники – легче будет понять друг друга.

Я немного увлеклась собственными мыслями и поэтому не сразу ответила подошедшей Маринке.

– Что?

– Как дела? Опять кого-то на чистую воду собралась вывести?

– Почему бы нет? – и принялась за обед.

* * *

Адреса Андрея Блинова, как, впрочем, и остальных приглашенных, Сергей Петрович не давал, пришлось расстаться самой.

В процессе беседы с ним я все же умудрилась выцарапать кое-какие дополнительные сведения о гостях. Так, в частности, о племяннике я узнала, что он изрядный балбес несмотря на свои тридцать и ни на что серьезное не способен.

Смешно? Мне – не очень! Пожалуй, единственным конструктивным фактом можно посчитать следующее – он музыкант, и деньги на жизнь зарабатывает тем, что играет в каком-то кабаке (на вопрос, в каком именно, дядя только брезгливо поморщился).

Так что четверть дня пришлось убить на то, чтобы установить место жительства Блинова Аркадия (меж приятелей музыкантов – просто Аркашка).

Жил он в самом центре, на проспекте Кирова, в белой панельной девятиэтажке. Проспект наш – пешеходная зона, и

проехать на машине я не смогла. Пришлось ставить ее на ближайшую стоянку и идти пару кварталов пешком. Свернув во двор магазина «Кристалл», я зашла в железные ворота, защищающие жителей дома от въезда машин и непрошенных гостей в вечернее время, и сразу наткнулась на сидевшую на лавочке бабулю – эдакую домашнюю ФСБ. Ее бдительное око жгло мне спину, пока я набирала номер квартиры на клавишах домофона.

– В сто тридцатую? – как выстрел, раздался вопрос. Честное слово, я аж вздрогнула и забыла нажать кнопку вызова.

– ...Да, а что?

– Скажи Аркашке, что я скоро участкового на него спущу!

И не только я – все соседи подпишутся!

– Не могу, люблю его, – подавив улыбку, я грустно потупила глазки.

– Мы тут всем подъездом против него пишем, а она его любит, видите ли!... – возмущению бдительной старушки не было предела.

– Что же он натворил? Мы давно не виделись, и вот я его наконец нашла.

– Кобель он, твой Аркаша! Но мне дела до этого нет! А вот если он музыку свою врубит, как вчерась, в три ночи, – тогда уж попойет! Будь здоров, как попойет!

– А что вчера? – пользуясь моментом, поинтересовалась я.

– Весь дом от твоего любимого на ушах стоял – вот что вчера!...

Дослушивать возмущенную пенсионерку у меня не было никакого желания. Тем более что к заветной двери подошел житель подъезда и открыл ее магнитным ключом. Посему я, не упуская случая, шмыгнула за стальное забрало подъездной двери, быстренько оградив себя тем самым от бабусиных огненных флюидов.

Личность этот Аркашка, представилось мне, колоритная! Люблю таких – общаться с ними просто.

Именно так просто я и начала наше знакомство, сразу вдавив кнопку звонка чуть ли не на целую минуту. Второй раз, третий...

После третьей трели услышала:

– Аркаш, да открой, что ли! Какого козла там принесло! – недовольно взвизгнул женский голос, и вскоре за этим дверь наконец открылась.

На пороге стоял очень симпатичный парень в семейных ситцевых трусах ядовито-зеленого цвета. Больше из одежды на нем ничего не было (шлепанцы на ногах не в счет). Физиономия выдавала предыдущий бурный вечер с последующей не менее бурной ночью. Впрочем, об этом я уже знала.

– Привет, Аркаша! – осклабилась я.

– Заходи, – посторонился он. Затем, почесав голову, все же спросил: – А ты кто?

– Ну, здрасьте-приехали! – изумление просто не помещалось на моей наглой мордахе. – Свидание назначать, так он помнит, а как зовут, значит, нет? Таня я!

– Кому это мой кобель свидание назначал?! – торпедой из комнаты вылетела деваха лет двадцати, на бегу заворачиваясь в простыню. – Тебе, что ль?

– Ага! – радостно подтвердила я свою подлую клевету.

– Во, блин, ни хрена не помню! – нисколько не смущаясь пикантности ситуации, честно признался Аркаша. – Это где тебя подцепил? В «Пирамиде», что ль?

– В ней самой!

– Да, я уже тогда хорош был! – признался Аркадий, но тут же спохватился: – Это я не относительно тебя, я к тому, что не помню ни хрена! Как мы вообще доехали?!

Этот вопрос был адресован его рыжеволосой подруге.

– А черт его знает! – чистосердечно призналась та и, развернувшись, ушла в комнату. Наверное, решила, что пора одеться.

– Если синяя «БМВ» твоя, то доехали просто клево! – решила я подлить масла в огонь.

– А че с ней?! – оживился музыкант, отчего-то с надеждой (так смотрят безнадежно больные на врача) глядя мне в лицо.

Я красноречиво вздохнула. Причем врать было уже не нужно – упомянутая тачка действительно присутствовала во дворе, я ничего не выдумала. Как Аркаша умудрился припарковать ее между песочницей и качелями на детской площадке, можно только догадаться. Да еще ночью!

– Е-мое! – несчастно вздохнул музыкант и опять поскреб

на всякий случай затылок. Но долго огорчаться, похоже, Аркаша не привык. Или от всех бед имел только одно средство. Потому следующий вопрос был:

– Слышишь, глянь в холодильнике: как там с пивасиком? А то башка что-то болит!

«И с чего бы?» – хотела съехидничать я, но вовремя остановилась. Норма – тоже хорошее дело.

– Пива – ноль, – констатировала я, – зато водки – океан! – Не хочу водки! Тем более – закуски готовить нужно, – с несчастным видом изрек хозяин квартиры. – О-о-ох! Ленка точно не станет. Слышь, спасай, а?! – вдруг с большой надеждой на чудо Аркашка вновь уставился мне в лицо.

– Есть из чего? – Я решила не разрушать его хрупкую веру в неожиданное счастье.

– Там, в холодильнике, все! – махнул он рукой и, наверное, боясь спугнуть фантом везения, тут же поспешил удалиться из кухни, предоставив мне ее в полное владение.

Готовить действительно было из чего, но следовало первоначально убрать следы вчерашней гулянки. Работы мне хватило на полчаса. За это время никто не нарушал моего уединения. Зато, как только на сковородке зашкворчала колбаса, у кухонной двери живо нарисовалась Аркашкина шатенка.

– Пока, детки! – объявила она. – Можете грешить сколько хотите!

Я хотела было вернуть ее, объяснив, что пошутила насчет приставаний Аркадия. Как я поняла, моему пребыванию в

квартире это нисколько не угрожало бы, но вдруг передумала. Вряд ли они всерьез поссорятся из-за моей сказки, а без дамы сердца с Аркашей мне легче будет разговаривать.

Запах готовящейся пищи привлек внимание еще двух персон.

Сначала послышалось сопение, потом появился большой, лохматый донельзя человек, одетый в плавки. По всей видимости, нудизм в этой квартире являлся нормой. На секунду я всерьез задумалась, не следует ли и мне разоблачиться, дабы не выделяться.

А общество продолжало возрастать, поскольку из-за спины большого человека вынырнула хитрая ультрарыжая девичья мордаха и так же озадаченно, как и он, уставилась на газовую плиту. Вернее сказать, уставились эти двое на мое кулинарное творение. Судя по их взглядам, некоторое время они просто не верили в возможность чуда.

Мужчина первым заметил меня и обронил со вздохом:

– Кеша.

– Таня, – выключая конфорку под сковородой, в той же манере ответила я.

Дама представиться забыла, вышмыгнула из-за спины лохматого Кеши и шустро забралась с ногами на табурет рядом с холодильником. Как я и предполагала, одежду девушка так же, как и остальные, игнорировала. Загребав вилку, она тут же требовательно посмотрела на меня.

– На повара я подписалась добровольно, на официанта –

нет, – на всякий случай предупредила я этих двоих, занимая свободный стул.

– Кешей друзья меня называют, а так я вообще Андрей, – непонятно зачем сказал парень, взъерошил пятерней гриву и двинулся к плите. Поскреб еще раз шевелюру, затем взял сковороду, подставку под нее и водрузил на середину стола. Поискал глазами свободный табурет, не нашел его и обратился к своей даме:

– Лизка!

Та с полуслова поняла, что от нее требуется. Лениво стекла с облюбованного места, открыла холодильник, извлекла из недр бутылку водки, пучок зелени и две тарелки с оставшейся после вчерашнего застолья закуской. Сделав это, опять уселась на свое место.

Вид сорокаградусной вдохновил пару, и вскоре на столе уже были рюмки, бокалы. В холодильнике нашлась двухлитровая, всего на треть опустошенная кола – словом, можно было начинать.

Кеша довольно потер руки и еще раз согнал Лизку с табурета. Уселся туда сам, девушка устроилась у него на коленях, после чего мужчина оперативно наполнил рюмки и заорал на всю силу легких:

– Аркаша, козел тебя нюхал! Водка стынет!

На зов музыкант появился незамедлительно. Однако не успел он присоединиться к нам, как в дверь позвонили. Хозяин уже открывал, а звонок еще продолжал верещать. Вид-

но, не я одна любительница давить на кнопку.

Вернулась Аркашина дама. В руках у нее была большая пластиковая бутылка пива.

– Что, по водке решили? – Деловито осведомилась она, ставя свою добычу на стол.

Аркаша быстро осмотрел кухню и, не обнаружив стула или табурета для себя и своей подруги, ненадолго ушел.

Вернулся со стулом и сел на него. Шатенка тут же упала ему на колени, обвив руками шею. Затем красноречивоглянула в мою сторону – мое, не зарься!

Признаться, на Аркашу я видов никаких не имела, но все же выпустила разочарованный вздох, не менее красноречивый, чем ее взгляд. Пусть подергается. «Возможно, мне придется с ней беседовать», – подумала я. Ничто так не сближает двух девушек, как неразделенный мужик-кобель.

Пока длился наш быстрый перегляд, Аркаша с Кешкой времени даром не теряли. Проглотив по первой, они тут же разлили по второй.

Вообще дальнейшее действие происходило явно под девизом: «Догнать и перегнать вчерашний день». И если я потихоньку сачковала, дабы соблюсти трезвость, остальным подобное в голову не приходило совершенно.

Такое сверхскоростное возлияние должно было иметь определенный финал, и вскоре он наступил. Дамы обоих моих новых знакомых, по их же меткому выражению, «сломались». Аркашкина шатенка, видимо, от радости, что так лег-

ко отвоевала у меня своего драгоценного музыканта, так нарезалась, что ее вскоре отнесли в спальню. Подруга Кеши держалась в вертикальном положении только благодаря тому, что уцепилась за своего могучего друга. Последний пока был неколебим, но взгляд его уже основательно помутнел.

Разговор во время «лечения» поначалу вился вокруг традиционной для такого случая темы, а именно: до чего же вечером было хорошо, зато как плохо стало утром. Затем, когда моим новым знакомым улучшело, тема плавно перетекла в их рабочую область. За полчаса я узнала, в каких кабаках Тарасова музыкантам лучше платят и где реально за вечер срубить нормальные чаевые. Поскольку это меня мало интересовало, в беседе творческих людей я не принимала участие. Мой момент наступил, когда Андрей (который Кеша) вдруг с удивлением обнаружил, что у него на коленках находится нечто аппетитное, и решил проверить, насколько это так. Дама не возражала. Думаю, отчасти из-за того, что в принципе уже возражать не могла.

Едва Кеша уволок свою подругу в комнату, единственным объектом, достойным Аркашиного внимания, осталась, простите, только я.

– Ну-с? И что мы теперь делать будем? – Тут же прозвучало довольно красноречиво.

– Аркаша, разве можно так напиться, что ничего не помнишь? – сладким голосом пропела я в ответ, следом отправив в рот кусочек колбасы. Намек, прозвучавший в его

вопросе, я решила проигнорировать.

– Ну почему же, – начал было возмущаться Аркадий, – мы с тобой в «Пирамиде»...

Что было в «Пирамиде», он явно не знал. Хм, да и откуда он мог знать, интересно?

– Не в «Пирамиде», – решила я «прийти ему на помощь», – в другом кабаке. Ты там появился после какого-то дня рождения. Кажется, ты говорил, у дяди?..

– Да это ж когда было! Неделю назад, а то и больше!

– Ну, видишь, у меня память подлинней твоей. А еще говорят – девичья...

– Да? – несколько не смутившись вновь открывшимся обстоятельством, Аркаша решил продолжить натиск на женскую натуру:

– Может, Танюша, продолжим вспоминать в спальне?

– А как же твоя подруга? – не могла не спросить я.

– А! – махнул рукой он в ответ. Все недосказанное я должна была понять из его богатой мимики.

– Нет уж, родной, давай оставим до другого раза. Если ты помнишь, девушка я на этот счет капризная и люблю интим в полном понимании этого слова. То бишь «тет-а-тет». А групповуха не в моем вкусе. Ты мне лучше вот что скажи, – перешла в наступление я, когда разочарование немного схлынуло с его, надо сказать, порядком осоловевшей к тому времени мордахи. – Твой дядя, про которого ты мне тогда битый час рассказывал, правда, серьезный филателист?

– А на фиг он тебе сдался? – не на шутку удивился музыкант.

– Понимаешь, – трудно вздохнув, начала я плести придуманную только что историю. – Мой покойный муж тоже, не тем будь помянут, прямо болел этим. После его смерти мне это добро, как сам понимаешь, до лампочки. Кстати, от него несколько раз я и слышала о некоем Сергее Петровиче. Мол, титан филателии. Ну а ты своими рассказами подсказал мне одну здравую мысль: может, твоего дядю заинтересует что-то из альбомов? Только вот что он за человек? Не захочет надуть бедную вдовушку?

– А что с мужем-то случилось? – вяло поинтересовался он.

– На машине разбился.

– Бывает, – вздохнул музыкант. – Мы вот тоже вчера...

Он замолчал, и я решала не торопить. Наконец Аркаша выдал:

– Я думал, у тебя ко мне личный интерес, а у тебя – коммерческий...

– Личный тоже имеется, если помнишь, – теперь уже мне пришлось мимикой выражать недосказанное. Как я успела заметить, сейчас это была его нормальная манера вести беседу, и я подражала, дабы быть с ним в унисон. – Но питаться святым духом я не умею, потому и о материальном иногда думать приходится.

– Ясно, – еще раз вздохнул он и покосился на почти опу-

стошенную бутылку «белой». Третью с начала сегодняшнего застолья по счету. Рука его уже было потянулась к ней, но в последний момент Аркаша все же передумал.

– Надует он тебя, как пить дать, надует. Карапуз еще тот!

«Карапуз» в его интерпретации было слово явно ругательное. Во всяком случае, применительно к любимому дядюшке – точно.

– Может, у тебя кто-то еще в знакомых водится? – осторожно заметила я.

– Я что, на больного похож? – Аркаша даже обиделся на мои слова. – Я к этой заразе никакого отношения не имею, не имел и иметь не хочу. Если хочешь, с родственничком, конечно, побеседую. Так, при случае. Только когда, честное слово, не знаю. И еще момент есть, – Аркаша немного замялся, – он моих знакомых, мягко говоря, не жалует. Так что рекомендация от меня – не самый хороший вариант.

– Как я вижу, отношения у вас не из лучших?

– А-а-а! – в обычной своей манере махнул рукой он. – Я ж сказал: карапуз еще тот! Рубля взаймы не даст! Вот поучить, как правильно жить, – это он горазд! А на хрен мне его морали – я и сам с головой дружить умею!

– Слушай, а давай сделаем так: ты мне его телефон дашь, а я скажу, будто у мужа в блокноте нашла.

– Телефон дам, не жалко, только обует он тебя по полной программе, помяни мое слово.

Я достала мобильник, и Аркаша, чуть сморщив лоб в про-

цессе вспоминания, все же продиктовал знакомый мне уже телефон. Я тем не менее старательно зафиксировала его в справочнике.

– Мой-то у тебя есть? – наблюдая за процессом, поинтересовался музыкант.

– Не-а, – честно призналась я, – потому перед визитом и не позвонила. Адрес запомнила, а телефон – нет.

– Забей. И свой напхни.

Я записала в справочник и второй телефон. Затем продиктовала свой номер. Звонок от Аркаши вряд ли мне когда будет нужен, но – ничего не поделаешь, пришлось идти на жертвы. Одно утешало: Аркаша его записывать не стал, видно, полагался на память. Я очень надеялась, что она его на этот раз подведет.

– Как повидеаешься с ним, звякни мне, – попросил Аркаша. – Я, само собой, ничего говорить ему не буду.

Через пять минут мы распрощались. Аркаша, как я полагаю, присоединился к своей шатенке, а я вышла на свежий воздух.

Облюбовав пустую лавочку за детской площадкой, я укрылась в тени. Сунула в рот две подушечки «Стиморола» и принялась обдумывать полученную информацию.

Итак, Сергей Петрович – карапуз.

Ну, это мне было ясно и без Аркашиной подсказки. Хватило и личного общения. Но то смутное беспокойство, которое появилось после разговора с клиентом и которое я пы-

талась разъяснить, так меня и не оставило. Единственное, что я пока для себя определила, – племянник вряд ли имеет какое-то отношение к подмене марки. Посидев еще минут пять, я твердо поднялась с мыслью отправиться домой. Пока умные мысли о дальнейших действиях в плане расследования в голову не шли, я решила выветрить из нее то количество алкоголя, что пришлось все же употребить. Потому пошла пешком. Но не успела дойти до следующего перекрестка, как ожил сотовый, радостной мелодией напоминая о себе. Едва я взглянула на определитель, сразу же поскучнела: звонил мой нынешний работодатель.

– Да, Сергей Петрович, – подавив вздох разочарования, довольно нейтральным тоном поприветствовала я.

– Танечка, прошу вас, приезжайте. Мне стало кое-что известно, но я не хотел бы об этом по телефону.

«Черт бы тебя подрал!» – мысленно высказалась я, вслух же ответила:

– Минут через двадцать буду.

– Ну и хорошо.

* * *

– Кофе?

Предложение было высказано тем тоном, что автоматически подразумевал, по всем правилам приличия, вежливый отказ с моей стороны. Возможно, от хозяина не ускользну-

ло мое недавнее причащение в Аркашкиной компании, потому-то встретил он меня не так радушно, как в первый раз. Однако я решила наплевать на приличия и просто не заметить, что у хозяина нет желания возиться с туркой.

– Да, конечно. У вас изумительный кофе.

Вздых разочарования подавить ему удалось. Сергей Петрович удалился на кухню, а я от нечего делать принялась изучать интерьер. Но мысль моя не задерживалась на предметах, которые зрели очи. Тот тревожный пульс, что тенькал иголкой где-то у виска, неожиданно пропал. Но разгадки его появления и последующего исчезновения я не понимала – и это раздражало еще сильнее.

«Что же я пропустила?» – задала себе вопрос и принялась искать ответ. Прогнала в памяти весь сегодняшний день, начиная со звонка Фролова и закончив закрывшейся за моей спиной Аркашкиной дверью.

Ничего.

От дальнейших размышлений меня отвлек господин Фролов. Поставив передо мной чашечку кофе, он уселся в кресло напротив. Весь его вид показывал, что ему не терпится приступить к разговору. Но, как человеку вежливому, ему пришлось подождать, пока я не сделала хотя бы пару глотков.

– Таня, как я вам говорил, открылись новые обстоятельства, которые сужают круг подозреваемых.

– И что это?

Сергей Петрович вперил в меня столь долгий изучающий

взгляд, словно то, что он собирался поведать мне сейчас, было по меньшей мере государственной тайной. Потом его лицо приняло несколько скорбное выражение, и он начал:

– Понимаете, в первую встречу я был с вами не до конца искренен...

«Браво, кубики!» – мысленно отсалютовала я.

– Дело в том, что на самом деле изначально у меня было подозрение только на одного человека. Как ни прискорбно говорить, это мой старый приятель Кушинский Владимир Львович... Володя... да... И вот сегодня я, после того как вы ушли, еще раз перебирал в памяти тот злополучный вечер и неожиданно вспомнил один разговор, который у нас был раньше и про который я давно забыл... – тут он замолчал, устремив отрешенный взгляд к потолку.

Я не спешила торопить его, чувствуя, что и без моего попуска продолжение последует.

– Так вот, – действительно, вскоре вернувшись из глубин памяти, продолжил господин Фролов, – для того, чтобы понять дальнейшее, мне нужно рассказать, как появился у меня «Салют» (так мы меж собой называем эту марку). Дело было аж в восемьдесят четвертом году. Я тогда работал в органах... Да-да, не удивляйтесь, я был сотрудником ОБХСС. Если знаете, была такая служба – Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности.

– Марка была народной собственностью? – не сдержала я любопытства.

– Нет, – немного скривился он, – она была тогда в коллекции Володи. А он был директором одного крупного тасовского РСУ. Ремонтно-строительное управление. Представляете себе, что это такое?

– Ну, так, в общих чертах.

– Так вот, его РСУ попало в поле зрения нашей организации. Тут нужно пояснить подробнее. Ограбили один из складов, принадлежащих РСУ, уголовный розыск вел следствие. Воров поймали, но дело не в этом. Дело в том, что следом из угро к нам пришла официальная докладная, что есть подозрение на хищения в этой организации, во всяком случае, на том самом складе. Работать с проверкой по этому сигналу было поручено моему отделу. Вы понимаете, насколько это было серьезно?

– Опять же – в общих чертах.

– Я вам объясню. Вы, Танечка, простите, слишком молоды и многого не можете знать. В то время существовало такое понятие, как блатные места. Там, где, помимо установленной государством заработной платы, существовал источник дополнительного дохода.

– РСУ из таких мест?

– Конечно! Хм, в принципе, далеко не первое из списка. И вряд ли бы кого оно заинтересовало, тем более – меня. Ведь с Володей я уже был лично знаком лет эдак пять. Как коллекционер с коллекционером. Скажу больше – тогда, без всяких там сигналов, можно было идти и «бомбить» любой бли-

жайший магазин. И если хорошо потрясти – заведующего, со стопроцентной уверенностью скажу вам, нашлось бы за что отправить за решетку. Да что магазин – в то время в обществе уже широко разошлась мораль, что только дурак живет на одну зарплату, и плоха та работа, где нечего украсть. Но – официальная докладная от следователя уголовки лежала у меня в рабочем сейфе, и на сигнал нужно было реагировать.

– И что вы сделали?

– Я позвонил Володе, и мы с ним договорились, – как будто это подразумевалось само собой, недоуменно пожал плечами Фролов.

– То есть пошли на должностное преступление? – полюбопытствовала я.

– Ну, если следовать букве закона, то да. Неприятности у Владимира могли быть большие. По крайней мере, из директорского кресла он вылетел бы запросто. И это еще самое маленькое!

– Ну и что дальше?

– Я дал ему два дня форы. Через два дня мы пришли с проверкой. За это время Кушинский подчистил все «хвосты». В итоге факт хищений не подтвердился. За беспорядок на складе кладовщица получила строгий выговор, Володя – устный выговор по партийной линии, а я – «Салют». Вот так марка оказалась у меня.

– Ну а разговор, который вы вспомнили?

– Прошел десяток лет, в стране, как вы знаете, все кру-

то поменялось. Тогда я еще не так крепко стоял на ногах, как сейчас, а вот Володя – наоборот. Резко, как тогда говорили, «поднялся». Он позвонил мне и предложил продать ему «Салют». Я отказал. Вот тогда он и высказал обиду: мол, это нечестно, марка и так фактически его, да он еще и деньги предлагает. Ну, я ему ответил, что она мне не просто так досталась – тогда я из-за него влететь мог на всю катушку! Ну, вроде поняли друг друга, и он от меня отстал. Как теперь вижу, не до конца.

– Итак, вы считаете, что именно он заменил вашу марку?

– Да, я так считаю, – на сей раз твердо ответил Сергей Петрович.

– Если вы так уверены, зачем вам я? – в свою очередь пришлось разводить руками мне. – Или все же есть какие-то сомнения?

– Нет, сомнений больше нет. А нужны вы мне вот для чего, – он слегка двинулся вперед, как бы предлагая сосредоточиться, – как я вам сразу сказал в первую нашу встречу, дело весьма деликатное, голословно обвинить Володю я не могу. Мне нужны доказательства, и вот их вам нужно найти. Вот что я предлагаю. Вам предстоит сходить к Кушинскому в гости. Предлог такой: остался в наследство от кого-то альбом с марками, ну не знаю, от деда, бабушки – придумайте сами. Вам он не нужен, вам нужны деньги. Дальше – ваша задача: разговорить его и посмотреть его альбомы. Если повезет, увидите «Салют». Потом скажете об этом мне. Это –

в идеале.

– Есть альтернатива?

– Скорее всего, да. Вова мог обменивать «Салют». Я покажу вам фотографии ряда равноценных марок (их не так много), на которые вам следует обратить внимание. Я знаю, что у него есть в коллекции, так же, как он знает, что есть у меня. Если что-то появилось из того, что я вам в дальнейшем покажу, то это также косвенно может подтвердить факт подмены. И к тому же может дать нам след, где искать мою марку, поскольку я буду знать, с кем он мог поменяться. Задача не очень трудная?

– Нет, – чуть качнула головой я, – десяток марок я в состоянии зрительно запомнить.

– Ну и чудесно.

Сергей Петрович посмотрел на часы и встал из кресла. Пока его компьютер загружался, я от нечего делать разглядывала изумительную вещь, которая была в его квартире: декоративный фонтан в виде водопада. Вода стекала со скалы с тихим шелестом. Розовый фламинго застыл в глубоком раздумье на отмели. Зеленые пальмы и те казались живыми.

– Вот! – услышала я голос хозяина квартиры.

Пришлось отвлечься от созерцания искусственной идиллии и выбираться из кресла.

На экране монитора я увидела интернет-страницу, электронный адрес которой я моментально запомнила. Фролов кликнул на ссылку «обмен» и следом – на ссылку с нужной

тематикой. На открывшейся страничке появились изображения десятков двух почтовых марок. Мой работодатель с задумчивым видом уставился на них.

– Да-а-с, – наконец изрек он и почесал подбородок.

– Я их должна запомнить? – чтобы прервать заминку, спросила я.

Услышав вопрос, Фролов встряхнулся от своих дум и заметил меня.

– Знаете, Таня, давайте сделаем так. Чтобы не загружать вам голову, я предварительно поработаю с тематикой сам. Завтра в первой половине дня перезвоню. К тому времени, я думаю, у меня все будет готово: и «ваш» альбом, с которым вы пойдете к Володе, и распечатка подбора интересующих нас марок.

На этом я откланялась и покинула его квартиру.

* * *

Думая о только что состоявшемся разговоре, я нажала кнопку лифта. Мысль, засевшая в голову, казалось занятной. Подумалось, что в данной ситуации я выступала скорее как шпион, нежели как сыщик. Действительно: прокрасться на чужую территорию, подглядеть, доложить. Как я поняла, мои функции на этом должны закончиться.

«Сегодня, завтра – вот и вся моя работа на Фролова», – прикинула я, затем перевела два дня в оплату по моему та-

риффу.

Не густо! Но все же лучше, чем ничего. К тому же дело было легким, из разряда простых бытовых. Возможно, так мне казалось тогда еще и по той причине, что увлечение Фролова я не воспринимала всерьез. Просто не могла себя заставить. Головой, конечно, все понимала, но сердце смеялось. Его хобби представлялось мне скорее ребячеством, только детской игрой занимался вполне взрослый и серьезный дядька.

«Что ж, на безрыбье и рак рыба!» – философски заметила я себе и еще раз нажала кнопку вызова. Отчего-то лифт отказывался подниматься.

«Наверное, сломался», – заметила я себе, но на всякий случай предприняла последнюю попытку. Тщетную, как и предыдущие.

«Ладно, вниз – не вверх, да и четвертый этаж – не девятый», – подумала я и только собралась спуститься по лестнице, как услышала шаги. Кто-то очень тяжелый поднимался по лестнице. В отличие от меня временное отсутствие сервиса в этом доме человека явно огорчало. Смело могу сказать так, поскольку это самое огорчение он явственно выражал вслух.

Тяжелая поступь поднимающегося мужчины вполне соответствовала его стати. Мне пришлось немного ретироваться назад, к лифту, чтобы дать ему дорогу.

Человек быстро прощупал меня взглядом, цепким и ко-

лючим. Затем выражение его лица стало вновь скучным. Он явно потерял ко мне интерес и нажал звонок. Мой же интерес к нему, наоборот, появился в аккурат после этого действия, поскольку давил мужчина кнопку квартиры Фролова. Но стоять и таращиться на столь занятого субчика не следовало, потому я поспешила вниз.

То, что нынешний визитер Фролова был личностью занятой, я сказала неспроста. Поняла я это сразу, по тому взгляду, которым была удостоена.

Что же сказать про самого джентльмена? Такой тип людей был распространен в нашей стране в девяностых: квадратное тело вкупе с квадратной головой, килограммовый золотой ошейник, тяжелый, заранее ненавидящий все и вся взгляд. Прошел их исторический период, и часть людей того типа вымерли, как мамонты, часть трансформировались в нечто хотя бы внешне более изящное. Но иногда попадались еще мастодонты.

Человек, пришедший к моему клиенту, был как раз из их числа. Возможно, я несправедлива, но мой немалый опыт общения с подобными субъектами просто кричал: «Таня, ты права!»

Но единственное, что ненадолго заняло мой ум, был вопрос: «А что, собственно, может быть общего у почтенного господина Фролова с этим «потомственным братком»?»

Поскольку ответа я не знала, оставила вопрос на потом и зашагала дальше. Лестничная клетка не преподнесла больше

никаких сюрпризов, и вскоре я оказалась на улице.

День давно уже перешел в стадию вечера, и потому я со спокойной душой поставила мысленный крест на работе.

Выкинув из головы коллекционера с его заботами, погрузилась в свои. Первейшая из них была древней, как мир, но тем не менее актуальной на данный момент – чем занять предстоящий вечер. Перебирая мысленно в голове варианты, вспомнила, что пропустила тренировку. Можно было, конечно, слетать домой, взять кимоно, двинуть затем во дворец спорта и позаниматься с другой группой. Но, представив укоризненный взгляд Рашида Бахромовича, любившего во всем четкий порядок, делать этого не стала.

«К тому же ты сегодня пьяница!» – весело вспомнила я застолье у Аркаши. И вместе с воспоминанием в голову пришла некая мысль. Интересно получилось: только я покинула берлогу Блинова, как буквально через несколько минут звонит его дядя (с которым, между прочим, у музыканта плохие отношения) и выдвигает почти то же предложение, что я озвучила Аркадию. Почти слово в слово. Что это – совпадение или господин Фролов умеет ловить мысленные флюиды? Поскольку моя профессия предполагает более прагматичный подход к событиям, вывод напрашивался другой – подлец Аркашка зачем-то обманул меня. Как только за мной закрылась дверь, музыкант, презрев свои обещания, перезвонил нелюбимому «карапузу» и рассказал о моем визите. Господин Фролов, скорее всего, вследствие давней привыч-

ки к оперативной работе, заставил пьяного бедолагу повторить весь разговор и выделил из него конструктивную идею, которую через несколько минут преподнес мне как свою собственную. За плагиат я на него не обиделась, бог с ним. Настораживало другое – игра в кошки-мышки, которая велась около меня. Роль кошки уготована была не мне. Правда, и роль мышки тоже мне, скорее всего, не предназначалась.

«Да, кубики сказали сущую правду, – мысленно усмехнулась я. – Только круг желающих наврать, оказывается, одним работодателем не ограничивается».

Впрочем, не привыкать. Суть моей профессии как раз в том, чтобы выявлять правду. А изначально люди, как правило, стараются ее скрыть. Так что...

Прервав бесплодные размышления, я вновь прикинула, чем бы заняться. Мельком вспомнила, что днем какая-то реклама привлекла мое внимание...

...Ага, есть!

Меньше чем через полчаса я стояла пятой в очереди у кассы кинотеатра «Пионер».

* * *

Утро следующего дня началось с солнечного луча. Тонкого, как игла. Он попал мне точно в глаз. Нашел брешь в плотной завесе жалюзи и достиг цели.

Я проснулась.

Когда с утренними процедурами было покончено, я остановила задумчивый взгляд на часах. Они показывали полседьмого. Угроздило же проснуться в такую рань!

Я включила телевизор. Пока уплетала легкий завтрак, рассеянно пропустила сквозь себя блок рекламы и утренние новости.

Уж коль оказалась на ногах, нужно придумать себе занятие. Я прошла в свой так называемый кабинет и включила компьютер. Еще до конца не осознавая, чего хочу, ждала, пока он загрузится. Лишь когда появилась картинка рабочего стола, поняла, что буду делать. Вышла в Интернет на ту страницу, адрес которой увидела вчера у Фролова.

«Так, «обмен»... – попутно комментируя для себя, повторяла последовательность действий моего клиента. – Ага, вот!»

Три полных ряда марок и небольшой хвостик в четвертом. Я внимательно просмотрела их и почти сразу же остановилась на одной. Вернее сказать, было так: я шла взглядом по второму ряду и, как только дошла до четвертой слева, тут же остановилась.

Несколько секунд понадобилось на то, чтобы удостовериться в очевидном. Выделив нужную марку, я нажала опцию увеличения. Кликнула несколько раз, пока моя марка не выросла до размера небольшой картины, заняв собой почти все пространство монитора.

Так и есть – он самый, фроловский «Салют». Количество

фейерверков – пять, год выпуска – пятьдесят первый.

Некоторое время я тупо смотрела на экран, пытаюсь хоть как-то привести в порядок мысли. Я в этом нуждалась, честное слово, поскольку в голове вместе с неожиданным открытием началась такая чехарда! Одна мысль обгоняла другую, третья пыталась перепрыгнуть сразу через первые две.

«Все по порядку!» – строго скомандовала я себе и пошла на кухню. Дополнительная чашка крепкого кофе – это было то, в чем я в тот момент очень нуждалась. Когда я вернулась в кабинет, прихлебывая на ходу от возбуждения, картинка осталась той же. Итак, мне это не пригрезилось: марка не исчезла, как фантом, салют весело плескал свои лучи над башнями нашего великого Кремля.

Марка была выставлена на обмен.

Я убрала увеличение и переключила внимание на «е-мэйл» заявителя. Сомнения быть не могло – в буквосочетании явно читалась фамилия Кушинского.

Все оказалось так просто! Но эта простота нисколько меня не обрадовала. Я могла поручиться, что еще вчера сам Фролов увидел и, мало того, конечно же, узнал «Салют»! Не потому ли он так быстро закрыл страницу, чтобы не дать заметить марку и мне?

Выходит, весь его рассказ про подмену – вымысел от начала и до конца? Не идиот же его стародавний знакомый, чтобы вот так явно, через пару недель после кражи, выставить марку на обмен? Это же означает, что он открыто рас-

писывается в собственном преступлении! Судя по тому, что об этом человеке поведал мне господин Фролов, идиотом он не был.

Тогда что?

«Тогда, моя дорогая, за дуру держат тебя, и все твои вчерашние подозрения насчет игры в кошки-мышки сегодня становятся реальностью!» – заметила я себе, закрыв страницу. Выключила компьютер и прикончила залпом остатки остывшего уже кофе.

«Фролов – кошка, точнее, кот. Кушинский – мышка, а я тогда кто?» – появился следующий вопрос.

«А ты – котенок, который должен выгнать мышку из норки, чтобы затем кот смог всласть поохотиться!»

«И что же со всем этим теперь делать?» – следующий вопрос был совершенно резонным, поскольку участием в аферах или каких-либо других махинациях я на жизнь себе не зарабатываю. Претит мне, знаете ли.

Можно было просто заявиться к господину Фролову, сделать бестолково-радостную мордаху, выложить ему распечатку сайта и объявить о триумфе: вот, мол, доказательство, лучше не придумаешь! Да еще и съехидничать напоследок, получая плату за два дня работы: мол, и как это мы с вами, Сергей Петрович, вчера просмотрели? Вам бы за лишний день платить не пришлось! После чего со спокойной душой отчалить и забыть о работе до нового клиента.

Все бы так, но две вещи мешали принять решение. Во-

первых, не все факты были известны и не все мотивы исследованы до конца. С «мышкой» я еще не была даже знакома! Второе: тот момент, что меня решили использовать втемную в каком-то, скорее всего, грязном деле, требовал разъяснения. Не для работы – для меня лично.

Потому я решила повременить с докладом о своем «открытии». Нужно будет подождать его шага.

Времени у меня оставалось предостаточно, и я решила использовать его с пользой для себя. Пришлось вновь включить комп, залезть в Интернет и детально прошерстить ту страницу. Оказалось, кроме «Салюта», Владимир Львович выставил еще три марки.

Дальнейшие мои действия никак не были связаны с Всемирной паутиной, потому я вновь выбралась из нее и покинула дом.

Когда я проезжала Крытый рынок, зазвонил мобильник. Честное слово, сердце мое екнуло, когда я увидела на табло номер господина Фролова. На мгновение дала волю фантазии и представила себе, что сейчас Сергей Петрович радостным тоном сообщит о том, что нашел свою марку на сайте, еще вчера, но, боясь спугнуть удачу... – словом, мошенник уличен, вам спасибо и – деньги за два дня работы.

«Это вряд ли, девочка!» – только успела усмехнуться я, как Фролов потребовал:

– Таня, вы меня слышите?

– Конечно, Сергей Петрович.

– Вы могли бы приехать ко мне сейчас?

– Безусловно, – твердо ответила я.

* * *

– Кофе?

– Спасибо, я уже пила. (Я заставила себя это сказать!) Давайте к делу.

– Давайте.

Слегка удивившись, клиент подал мне несколько листков. Потрудиться ему пришлось: на распечатках марки с сайта обмена были увеличены так, что их можно было хорошо и детально рассмотреть, не напрягаясь. Было их всего шесть. «Салюта», как я и предполагала, среди них не было. Зато были еще две марки, которые я в обмене сегодня не видела.

– Вот «ваш» альбом, советую все же просмотреть и его. Хотя вам, по нашей легенде, хорошо знать его содержимое необязательно – ведь это не ваша страсть, а... кого?

– Покойного мужа, – усмехнувшись чуть уголками губ, ответила я, не отрывая взгляда от распечаток. – Погиб в автокатастрофе.

– Пойдет, – немного подумав, согласился Фролов. – лучше еще добавить, что вы в Тарасов переехали недавно. Иначе ваш покойный муж, – в этом месте Сергей Петрович позволил себе легкую усмешку, – был бы известен в наших кругах.

– Да, я тоже об этом подумала, – ответила ему, отдавая

назад распечатки.

– Ну и хорошо... – пробормотал он, размышляя о чем-то своем.

После недолгой паузы я узнала, о чем он размышлял.

– Одно мы с вами не продумали!

– Что же?

– Как вы вышли на Владимира Львовича?

«Наверняка предложит тот же вариант, что я озвучивала его племяннику», – подумалось мне, и я терпеливо ожидала подтверждения.

Но Сергей Петрович с надеждой посмотрел в мою сторону. Значит, теперь мой черед изображать задумчивый вид. Наконец меня «озарило»:

– А если сделать так: я, якобы размышляя над тем, что делать с альбомом, посмотрела пометки в ежедневнике моего покойного мужа. Увидела номер телефона, рядом – пометка «марки» и имя-отчество. Решила позвонить.

– Все гениальное – просто! – обрадовался Фролов. – И главное, никаких лишних вопросов. Впрочем, вряд ли Владимира стало бы интересовать...

Он запнулся, не договорив.

– Ну, вроде все решено, – подвел итог клиент, вставая.

Встала и я, прихватив альбом.

– Аккуратнее с ним, – предупредил меня на прощание Сергей Петрович, – конечно, особо ценных марок я вам не дал, но тем не менее чтобы выглядело убедительнее, при-

шлось кое-чем рискнуть...

– Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Подарив на прощание очаровательную улыбку, я шагнула в сторону лифта. Стальная дверь лязгнула за моей спиной.

* * *

Моя «девятка» со скоростью краба ползла по узкому проулку. Скорость движения объяснялась тем, что проулок оказался длинным и многолюдным. Пешеходы обтекали мою машину с двух сторон. Так продолжалось несколько минут, пока я не оказалась во дворе нескольких домов. Старый квартал тотчас напомнил виденный недавно в популярном телесериале. Прямо один в один! Те же желтые стены, пятиэтажным прямоугольником обрамляющие площадь внутреннего двора. Где это снимали? В Питере, кажется.

Прямо по курсу стояло несколько машин. Рядом с ними я припарковала и свою ласточку.

Прошлым веком так и тянуло от этой застройки. Лишь пластиковые окна да домофоны говорили, что жители «коробок» живут в современности. На той, что нужна была мне, домофона не было. Кодовый замок имелся, но дверь, как часто бывает, была открыта настежь по случаю летней жары. А еще застопорена в таком положении с помощью кирпича.

Лифту быть в подъезде не полагалось, да меня это и не очень огорчило. Широкая лестница быстро привела на тре-

тий этаж. Я посмотрела на часы – без трех минут час. Вполне можно звонить.

Что я и сделала без тени колебания. Звонка, против ожидания, не услышала. Постояв немного, я на всякий случай потянула ручку. Дверь оказалась незапертой, и я зашла в квартиру. Огромный коридор и паркетный пол – вот первое, что я увидела. Затем поймала свое отражение в зеркале трюмо. Оно мне понравилось. На всякий случай поправила челку и громко позвала:

– Владимир Львович!

– Заходите, – раздался ответ из глубины квартиры. – Тапочки у вешалки.

Я послушно переобулась и, держа под мышкой альбом с марками, двинулась по коридору. Хозяина я обнаружила в комнате справа.

Облик Кушинского совершенно не совпал с моим заочным представлением о внешности этого человека. Еще до визита я нарисовала в своем воображении портрет: такой вот седой сгорбленный старик с отрешенным взглядом, болтающий что-то сам себе. Напротив, Владимир Львович оказался вполне статным мужчиной, с неким таким благородным шармом во внешности. Его серые глаза смотрели живо и весело, в них читался ум.

– Удивлены? – заметил он, улыбаясь. – Думали, сушеную мокрицу встретите?

Мимолетного смущения я скрыть не смогла и весело рас-

смеялась.

– Не вы первая, – махнул рукой пенсионер. Тут же спохватившись, добавил: – Присаживайтесь вон в то кресло, там вам будет удобно.

Насколько я успела рассмотреть, интерьер квартиры был вполне современным. Мягкое кожаное кресло приняло меня, хозяин сел напротив.

– Меня зовут Владимир Львович. Вас?

– Татьяна Александровна Иванова.

– Очень приятно.

– Взаимно.

Еще задолго до того момента, как я села в кресло, меня терзала неутомная мысль – собственно, что же мне делать? Идти по сценарию «Петров – Фролов» или же...

Вот это самое «или же» пока никак не рождалось в моей голове: ни к тому моменту, как я переступила порог квартиры Кушинского, ни сейчас. А я на это очень надеялась, поскольку в этом для меня как раз и был смысл визита.

– Татьяна Александровна?

– Ах да, простите, – спохватилась я. Напротив сидел человек и явно ждал от меня объяснения цели встречи.

Я быстро выдала байку про разбившегося мужа и оставшиеся марки. Пока я говорила, серые глаза внимательно следили за мной. Серьезно, без тени эмоций. Лишь в одном месте моего «правдивого» повествования Владимир Львович сочувственно вздохнул – когда я упомянула о кончине «бла-

говерного».

– Детей сколько? – спросил он.

– Не успели, – ответила я.

– Ладно, давайте ваш альбом, – протянул руку хозяин квартиры.

Пока он перелистывал страницы, я внимательно наблюдала за ним. На одной он задержался и, как мне показалось, чуть нахмурился. После этого довольно бегло пробежал остальные и, улыбнувшись, вернул его мне.

– Интересные марки есть, если мы сойдемся в цене, я готов купить. Но также могу предложить вам следующее: некоторые марки из вашего альбома поменять на свои. Вдобавок дам вам информацию, кому они могут быть нужны. От этого обмена, ручаюсь, в деньгах вы только выиграете.

– Мне нужно подумать.

Ответ был запланирован при любом раскладе нашей беседы. В самом деле – распоряжаться чужим имуществом я не могла.

Он встал из кресла, достал из стенки альбом и вновь сел, поинтересовавшись:

– А может, вы хотите посмотреть что-то из моей коллекции?

Как мне показалось, во взгляде скользнула легкая настороженность.

– Вы знаете, в марках я мало что понимаю, – абсолютно честно призналась я, – если так, ради любопытства...

Я листала альбом, а Кушинский наблюдал за мной. Увидев «Салют», я невольно остановилась.

– Скажите, много вам заплатил Фролов? И зачем, на самом деле, он вас послал?

Вопросы должны были пристукнуть меня на месте. Наверное, мне следовало втянуть голову в плечи, подхватить «свой» альбом и опрометью броситься бежать. Второй вариант – сделать удивленно-честные глаза или обидеться. После чего с пеной у рта доказывать подозрительному пенсионеру, что он не прав.

Ни один из этих путей я не выбрала. Наоборот, меня словно отпустило – потому, что не было больше необходимости врать.

Врать я не люблю ужасно. Иногда, конечно, приходится. Но всегда это обуславливается интересом клиента, при одном неперменном «но»: клиент прав, но находится в той жизненной ситуации, когда это нужно доказать. В данном случае я была убеждена, что это далеко не так.

Итак, я откинулась в кресле и улыбнулась негодующему взгляду Кушинского:

– Четыреста долларов должен заплатить. Минус аванс, который он мне уже выдал. Плюс расходы. На всякий случай поясню: двести долларов – обычный мой дневной гонорар.

Гнев сменился непониманием.

– Я частный детектив, и ваш приятель...

– Не называйте этого проходимца моим приятелем!

– Даже так? Что же вы, Владимир Львович, в таком случае недавно делали на юбилее у «проходимца»?

– Может, вы скажете мне, Татьяна Иванова... или это вымышленное имя?

– Имя настоящее.

– ...Так вот, по какому праву вы сидите в моем кресле и задаете вопросы?

Права действительно у меня такого не было, но сдаваться просто так я не собиралась.

– Владимир Львович, – как можно мягче, не желая вызвать новый прилив гнева, продолжила я, – конечно, если вы скажете, я тотчас встану и уйду. Но разве вам самому не интересно: действительно, зачем я здесь?

– Ну и?..

– Понимаете, ваш... м-м... господин Фролов нанял меня провести расследование...

Я вкратце, не пускаясь в детали и оставляя в стороне свои логические заключения и выводы, рассказала суть дела.

– Негодяй!

После этой реплики последовала весьма неприятная вещь: привставший до того Кушинский осел обратно в кресло и рванул ворот рубашки. Пуговица поскакала по паркету. Лицо пенсионера мгновенно покраснело, рука судорожно заметалась по столу.

Слава богу, реакция у меня отменная, и на соображалку не жалею. Таблетки, что лежали на столе, я заметила сра-

зу, когда «фотографировала» обстановку комнаты. То, что он пытается взять именно их, догадаться было несложно. Я помогла Кушинскому справиться с упаковкой, затем открыла форточку.

– Лучше кондиционер включите, – прокомментировал он мое последнее действие слабым голосом, – уличная жара меня только доконает.

Справедливость его слов не вызывала сомнений, и я поступила именно так.

– «Скорую» вызвать?

– Нет, уже отпустило. Хорошо, что я свою норму до вашего визита принял. А то действительно были бы проблемы.

– Норму? – не поняла я.

– Германский препарат, – слабо кивнул головой он в сторону стола, на котором стоял небольшой пузырек и рюмка. – Благодаря ему я последние пару лет держусь. Сердечко, знаете ли...

– Черт, если бы я знала, – неожиданно мои мысли приняли иной, очень даже нехороший оборот.

– Что знали? – тут же поинтересовался пенсионер.

– Давайте об этом чуть позже. Скажу вам сразу – к вам я пришла не потому, что действительно считаю, будто вы подменили марку. Вернее сказать... – чувствуя, что слегка запуталась, я ненадолго задумалась, решая, как четче сформулировать мысли. Собравшись, продолжила: – Понимаете, с того момента, когда я первый раз позвонила в дверь квартиры

Фролова и до нашего разговора с вами, произошли на первый взгляд незначительные события, которые меж тем дали мне основания полагать, что Сергей Петрович затеял что-то нехорошее. И пытается воплотить это в жизнь с моим непосредственным участием. Вот по большей части из-за этого я здесь.

– Хорошо, если это так.

Кушинский уже вполне пришел в себя, но тем не менее правую руку все еще держал на груди. Кто бы мог подумать, что у этого спортивно сложенного мужчины, никак не подходящего внешне под стандартный тип пенсионера его возраста, серьезные проблемы с сердцем?

– Иначе я не рассказала бы вам того, что поведала только что. Во-вторых, поверьте – если бы я прорабатывала визит самостоятельно, то уж не допустила бы очевидный ляп: мне, по легенде человеку совершенно несведущему, просто незачем смотреть ваши марки. И интереса быть никакого не может!

– Вы правы. Я-то думал, подловил вас на этом. Сначала «Розетка», которая меня насторожила...

– «Розетка»?

– А-а-а, марка из фроловского альбома. Я знаю, она только у него есть. Их в России всего шесть. Где остальные пять – я тоже знаю.

– Ладно, давайте о главном. Скажите, история, которую мне рассказал Сергей Петрович, – вымысел?

– Нет, отчего же. Действительно, в свое время он избавил меня от крупных неприятностей, и в оплату я отдал ему «Салют». Только Сереженька об одном забыл упомянуть – марок у меня было ДВЕ. Одну я отдал ему, вторая у меня осталась. Правда, он тогда об этом не подозревал. Думал, что «Салют» теперь в нашем городе только у него. А узнал об этом не так давно, когда я выставил ее на обмен в Интернете.

– Звонил вам?

– Встречались, я ему объяснил все. Он тут же предложил обменять марку, но из того, что у него есть, мне ничего не нужно. Затем предложил купить – я тоже отказался. Ну, в общем-то, и все на этом.

Я вспомнила нашу первую встречу с Фроловым, его страстный монолог коллекционера и представила, насколько он огорчился, узнав, что, по крайней мере, в Тарасове он не единственный обладатель «Салюта».

– Как вы думаете, чего господин Фролов хотел добиться своим выпадом против вас? Действительно обвинить в краже и вынудить вас отдать вторую марку? Ведь, как я поняла, не только он, но и другие коллекционеры из круга ваших общих знакомых не знали, что «Салют» не один? Был у него шанс сыграть на этом?

– Да нет же, некоторые знали, – пожал плечами Кушинский, – Владлен Борисович Рахманинов, например. Просто я просил его не говорить о том Сергею без нужды, имея в виду его, простите, дерьмовый характер. Я еще после нашей

предпоследней встречи понял, что он теперь изойдет весь. А уж после нашего последнего разговора на том самом юбилее, что он приплел вам...

– А что это был за разговор? – живо поинтересовалась я.

– Ну, не знаю, – поначалу замялся он, явно испытывая неудобство, – наша внутренняя грязь...

– Да я уже по уши в этой истории, – откровенно усмехнувшись, ответила я.

– Ладно, – махнул рукой Кушинский.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Я терпеливо ждала. Наконец Владимир Львович продолжил:

– Сергей и я, ваш покорный слуга, являемся членами тара-совского клуба «Филателист». Председателем его является Рахманинов Владлен Борисович, человек в высшей степени достойный. Кстати, он тоже был на том юбилее. Ну, так вот – Фролов подкатил ко мне с разговором, скажем так, очень даже неприятным. Он, понимаете ли, спит и видит, как бы прибрать к рукам руководство клубом.

– А что так ему не дает покоя? Власти хочется?

– Не самой власти. Вернее, не столько власти, сколько возможности обделывать свои делишки под эгидой клуба. Клуб – некоммерческая общественная организация, что в соответствии с нашим законодательством дает ей определенные льготы. Вот эти самые льготы и сводят Сергея с ума! Понимаете, Владлен – бывший военный, ушел на пенсию в звании генерал-майора. Филателист с пятидесятилетним ста-

жем. Клуб в Тарасове основал именно он. А самое обидное для Сережи, что ни о какой коммерции в стенах клуба он слышать не хочет. Тверд, как скала! Фролов понимает, что его не своротить с этого пути.

– Так что же разговор?

– Ну, на своем юбилее Сергей начал опять тянуть старую песню о том, что Владлен отстал от жизни и все такое. Я не выдержал и спросил: «Чего же ты, Сергей, хочешь? Чтобы мы выбрали председателем тебя?» И, знаете, что он мне ответил: «Зачем же меня? Давай выдвинем тебя. Я посодействую, да и Рахманинов брыкаться не будет». Я Фролова очень хорошо знаю, чтобы сразу понять – за предложением стоит хорошо просчитанный интерес, потому без обиняков спросил его в лоб: «Тебе это зачем?» Он мне и говорит: «Не мне, Вова, – нам!» Ну и дальше красноречиво обрисовал перспективу превращения «Филателиста» в плацдарм для поставки в область всего того, чем он сейчас загружает ее через свою фирму. Я тоже коммерсант, но меня передернуло, честное слово! Я ему говорю: «Сережа, у тебя что-нибудь святое в душе осталось?» Ну... дальше мы слегка повздорили, и я ушел.

– Вы думаете, что его действия против вас вызваны желанием отомстить? – подвела я итог разговору.

– Я думаю, тут все сразу: и желание отомстить, и желание быть единоличным владельцем «Салюта». И, может быть, что-то еще, чего мы с вами не знаем.

– Да, типчик приятный, нечего сказать, – пробормотала я сквозь зубы.

– Что есть, то есть, – согласился со мной Кушинский.

В принципе, я узнала все, что хотела. О том и сказала Кушинскому.

– Спасибо, Владимир Львович. Думаю, мне пора.

– Скажите, Таня, что же вы теперь намерены делать?

– Вы предупреждены, душа моя спокойна. Я... что ж, в дерьме копаться – моя работа. Отдам альбом Фролову, скажу все, что о нем думаю, сдеру плату за два дня и на том распрощаюсь.

– Не думаю, что он вам заплатит, если вы вернетесь с таким результатом.

– Только пусть попробует! С моей стороны все пункты договора соблюдены: расследование я провела, причем полностью в соответствии с его указаниями. Отрицательный результат – это тоже результат. Два дня я отработала честно.

Кушинский встал проводить меня. На прощание он сказал:

– Таня, зайдите ко мне после того, как побываете у Фролова. Мне кажется, у нас будет тема для разговора. Возможно, к взаимному интересу.

– Хорошо, – пообещала я.

– Только позвоните предварительно, я дверь заранее открою.

– Да, – вспомнила я, – когда я пришла к вам, дверь была

открыта.

– Звонок слабый, квартира большая, а я глуховат. Чтобы люди не трезвонили попусту, не долбили в дверь, соседей не тревожили – я всегда открываю ее заранее, когда кого-то жду.

На том мы распрощались, и я покинула квартиру Кушинского.

* * *

«Ну-с, господин коммерсант с елейным голосом, что же мне с вами делать?» – с изрядной долей злорадства подумала я, усаживаясь за руль машины. Альбом с марками положила на сиденье рядом.

Мысль была занятная, поскольку зла я на Фролова была основательно. Разговор, конечно, предстоял непростой, но у меня на руках были все козыри. Так ли это?

«Откинь эмоции и оставь голые факты», – приказала я себе.

Итак, человек обратился к тебе провести расследование по краже...

... – Помогите!! Помогите!!

Вопль отвлек меня от всех размышлений. Два кретина внаглую, чуть ли не посреди двора, напали на девушку. Она-то и вопила. Машину завести я так и не успела, и выскочить из нее для меня было делом одной секунды.

– Да помогите же!!

Нас разделяло метров пятьдесят, не больше. С бегом у меня всегда было хорошо, и потому я пролетела это расстояние в считанные мгновенья. Один из дебилов повернулся ко мне, и я увидела близко посаженные свиные глазки без признаков интеллекта. Отсутствие такового однозначно предсказало следующее действие молодчика: он тут же попытался двинуть мне в лицо кулаком.

Уклон, ответный удар, сразу же ловлю в поле зрения второго, поскольку первый пока нейтрализован. Второй, как и следовало ожидать, без всяких запинок оставил в покое девицу и переключился на меня. Ну, этот прежде чем напасть, принял боевую стойку. По тому, как он развернул правую ногу, следующее действие я предугадала легко. Удар ногой, довольно неплохой, но я была готова и заблокировала его без проблем. Правда, захват получился не совсем удачный, но подсечка прошла четко, и недоучка-каратист оказался на земле. Нужно было бы его хорошенько припечатать, дабы исключить из схватки, но тут опять напомнил о себе первый. Номер один без особых претензий попытался повторить свой первый маневр. Только размах был посильнее. Со спортом, подлец, явно не дружил, но в уличной драке, как оказалось, новичком не был, поскольку его «могучий» удар был своеобразным финтом, и, как только я увернулась, он саданул меня в печень с левой. Воздух вокруг меня сразу же куда-то исчез. Это обстоятельство вызвало мерзкую ухмылку

на лице негодяя. Злости мне хватило, чтобы ее тут же стереть хорошо поставленным левым. Удар несильный, но он дал мне полсекунды форы, чтобы следом припечатать утюжка ногой. Вложились я в удар отменно, и его, несмотря на приличные габариты, швырнуло через лавку. При падении он, наверное, хорошо приложился головой – соответствующий звук и последующее короткое мычание свидетельствовали о том.

– Что вы делаете?! Помогите!

«Черт, я же и так помогаю!» – новый вопль девицы меня несколько озадачил. К тому же ей начал вторить «спортсмен»:

– Вы что, с ума сошли? Сумасшедшая! Дура!

– Ты смотри-ка! Ты и разговаривать, оказывается, умеешь! – процедила я и переключилась на девушку: – Ты что орала?

– А твое какое дело?! – ощерилась в ответ та. – Без тебя бы как-нибудь разобрались!

Номер один отодвинулся на безопасное расстояние и вторил ей. Номер два делал неуклюжие попытки встать с четырех точек. Пока он только мычал.

«Вот она, людская благодарность!» – горько подумала я.

– Я сейчас милицию вызову! Ты моих друзей избила! Маньячка!

Еще секунда – и я дошла бы до бешенства. Тогда бы этой троице действительно не поздоровилось.

– Слушай ты, корова. Сейчас милицию вызову я и обещаю, вопросов к вам у нее найдется много. Например, о роде ваших занятий.

– Ненормальная! Пошли, ребята.

Последняя реплика прозвучала далеко не так вызывающе, как предыдущие. «Спортсмен» помог менее везучему приятелю, и троица дружно заспешила к тому проулку, через который я попала во двор. Кстати сказать, свидетелей этой безобразной сцены не было – двор словно вымер. Впрочем, неудивительно – пекло стояло еще то!

«Дурацкая история! – думала я, возвращаясь к машине. – Этой корове захотелось покобениться перед ухажерами, а я влезла не в свое дело!»

Водительская дверца оставалась открытой, и потому я просто плюхнулась на свое сиденье. Протянула руку к ключу и...

Черт возьми!

Я выскочила из машины, но все же, не забыв на сей раз прихватить ключи и захлопнуть дверцу.

В проулок я влетела и сразу же наткнулась на целующуюся парочку. Рывком оторвала парня. Девушка была не та.

– Ты чего?

– Извините, сейчас сюда вошли трое. Девушка и два парня. Куда пошли?

– Не видели мы никого, – обиженным тоном заявила девушка.

Я побежала дальше.

Проулок быстро закончился, и я оказалась на оживленном месте. Народу – как селедок в бочке. Отыскать троицу совершенно нереально.

«К тому же, – немного успокаиваясь, сказала я себе, – они уже давно разделились и каждый движется своим маршрутом в этом бесконечном городе».

Вернулась к машине и стала определять потери. Панель от магнитолы и... альбом!

Я еще раз обшарила салон, но заранее понимала бессмысленность поиска. Он лежал на переднем сиденье – это я хорошо помнила. Теперь его не было.

Силы разом покинули меня. Ехать к Фролову я не могла.

* * *

– Танечка, у тебя же феноменальная зрительная память.

– Угу, я это знаю, – буркнула в ответ, не отрываясь от монитора. – Давай листай дальше. Из тех троих в картотеке может быть, скорее всего, именно он... ага, сделай крупнее... точно!

– Ну-ка, давай посмотрим, кто это у нас...

Капитан дал увеличение фотографии.

– Точно, – подтвердила я.

Пальцы забегали по клавиатуре, и на экране появились данные.

– Свояков Геннадий Васильевич, кличка Свояк, одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения, два раза сидел за «хулиганку». Последний срок отбыл год назад, – прокомментировал мой приятель. – Кто твое дело ведет?

– Витька Седов. Только у нас с ним уговор. Сначала работаю я, потом уже, по результату, подключаю его.

– Оскорбленное самолюбие?

– Не только. Тут все не так просто.

– Может, Тань, ты усложняешь? Вытащим этого Свояка, колонем как следует, он у нас и запоет. Сдаст всех своих подельников с потрохами.

– А если не сдаст? Формально нет никакого повода к нему придрататься – он в машину не лез, это факт. Зачем он статью, да еще групповую, вешать на себя будет?

– Ну, знаешь, не таких раскалывали. Было б только за что зацепиться.

– А я вот как раз и хочу найти, за что зацепиться. Так что давай пока я сама.

– Ну, как скажешь.

На сем мы распрощались, и я покинула Фрунзенский отдел милиции, когда-то родной. Впрочем, таким он остался для меня и по сей день, и многие там были рады меня видеть и помогать по мере возможностей.

Была еще причина, кроме оскорбленного самолюбия. Фролов мне позвонил где-то через час после случившегося и бархатым голосом поинтересовался, как продвигаются дела. (Мобильник, к счастью, был у меня в кармане шорт, и я его не лишилась.)

– Сегодня не могу, отчитаюсь завтра.

– Лучше бы сегодня. Человек я не бедный, но лишний день оплаты...

– Хорошо, я у вас буду, – сжав зубы, ответила я.

Сергей Петрович встретил меня так радостно, словно я ему долгожданную марку принесла. Но радость его тотчас испарилась, когда он не заметил в моих руках своего альбома.

– Альбом! Почему вы оставили его в машине?!

– Я не оставила его в машине. У меня его украли.

Сказав, я внимательно наблюдала за его реакцией. Если Фролов играл, то превосходно. Изобразить такое неподдельное горе!

– Вы... вы шутите!

– Нисколько.

Далее я подробно обрисовала случившееся.

– И вы хотите, чтобы я в это поверил?! Вы что, меня за дурака держите?! Говорите быстро, где альбом!

Теперь я уже вышла из себя:

– Дурой хотели выставить меня вы, организовав липовое расследование и обвинив невиновного человека. Только, кажется, я вашего размаха недооценила.

– Во-о-он! Дальше я с вами буду только в суде общаться. Вместе с негодяем Кушинским!! Имейте в виду – если сегодня же вы не вернете мне мою вещь, я вас в порошок сотру!

– Ну, это уже я не один раз слышала, – спокойно ответила я.

– Вы еще меня плохо знаете!!

Последняя реплика настигла меня в коридоре.

* * *

Все это было до того, как я отправилась с повторным визитом во Фрунзенский отдел. Повторным потому, что первым делом я сразу же заявила о краже, предвидев похожую реакцию господина Фролова.

После райотдела я отправилась к другому знакомому побеседовать на предмет установления личности. Этим знакомым был Миша Васильев, тренер по карате-до. Я бы могла обратиться и к своему тренеру, но Рашид Бахромович не был тем человеком, который смог бы реально помочь. Я мысленно представила разговор с ним: скорее всего, полчаса у меня ушло бы только на то, чтобы доказать, что я не ошиблась и что тот недостойный молодой человек все же тренируется

где-то в секции Тарасова. Мишка был мне ближе по возрасту, к тому же он учился на заочном в Академии права, так что общаться с ним было легче.

Выслушав меня, он спросил:

– По твоим оценкам, новичок или уже что-то может?

– Думаю, года три прозанимался, это точно. Ты больше моего на соревнованиях бываешь, может, вспомнишь? У него коронный, похоже...

Я приняла стойку и показала удар.

– Х-м!

– Понимаю тебя.

– Ну-ка, опиши его еще раз.

Выслушав, Миша задумался. Потом окликнул парня, яростно молотившего «грушу».

– Стас, ты помнишь того прыща, с которым ты полгода назад в финале бился за третье-второе место?

– А! Ну! Я еще по очкам у него выиграл!

– Его самого. Не знаешь, где его сыскать?

– В «Буревестнике», где же еще!

Поблагодарив ребят, я отправилась в «Буревестник».

Тренер внимательно выслушал меня и скривился.

– Был такой.

– Был?

– Выгнали его. На наркоту сел. Мало того что сам, так пациентов молодых соблазнять начал своей дрянью. Я, как только узнал, его быстренько-быстренько, чтоб навсегда дорогу

забыл.

– А как мне его отыскать?

– Попробую найти адрес, но не обещаю.

Адрес не нашелся. Единственное, что удалось узнать конструктивного, – звали парня Саша Миронов, живет он где-то в Глебучевом овраге и учится в Аграрном.

– Когда занимался, был на третьем курсе, кажется.

С тем я и покинула «Буревестник».

* * *

Было уже почти девять вечера, когда я решила предпринять следующий шаг. Поскольку Аграрный университет до завтра был мне недоступен, а общаться с уголовником по кличке Свояк тоже пока не казалось занятным, я решила попробовать найти третье действующее лицо той комедии. Что-то мне подсказывало, что дама – определенного рода занятий. Поскольку время было как раз то, когда проститутки выходят на охоту, я отправилась колесить по улицам.

Похожая девица попалась мне в поле зрения в Ленинском районе. Правда, подрулив поближе, я увидела, что обозналась. Но дама уже шла к машине. Увидев, что за рулем женщина, она в недоумении остановилась.

– Эй! – все же окликнула я ее. – У тебя сестренки нет случайно?

– Сестренки! – поняв меня по-своему, заржала девица. –

Не-а! Я с мужиками только. Если хочешь, Баунти к тебе направлю. Ей по фигу, с кем.

– Падай в машину, мне тебя кое о чем расспросить нужно.

– А ты че, из ментуры? – подозрительно уставилась на меня проститутка.

– Нет, личное.

Девушка немного поколебалась, потом, посмотрев на двух подруг, стоявших в отдалении и с интересом наблюдавших за нашей беседой, все же села на сиденье рядом со мной.

– Я почему к тебе подкатила, – начала разговор я, – с подругой одной общалась – вылитая ты. Так вот, пропала она куда-то, а мне без нее скучно.

– А мне-то что с того?

Я протянула ей сотку.

– Скажешь что толкового, еще одну дам.

– Как зовут?

– Да не помню, встречались только раз, месяц назад.

Дензнак все же воодушевил представительницу древнейшей профессии, и мысли энергичнее забегали в ее голове.

– Счас! – обнадежила она меня и вновь ударилась в мыслительный процесс.

– Верка Голубь, нас еще иногда путают. Она и с бабами может. Точно, она!

Я протянула вторую сотку. Но прежде чем расстаться с ней, поинтересовалась, где мне этого «голубя» словить.

– На Тарховской их точка. А ты разве не оттуда ее цепля-

ла?

– Да нет, мы в кабаке познакомились.

– Эт, слышь, найдешь ее – не говори, что я наводку дала. У нас не принято. Мало ли чего там у вас, а я крайней быть не хочу, – предупредила меня проститутка, выбираясь из машины.

Успокоив ее, я еще раз уточнила местоположение пяточка на Тарховской и отправилась туда.

Моя дневная красавица как раз разговаривала с клиентом, наполовину погрузившись в машину. Снаружи осталась только задняя часть, заголенная так, что красные трусики были отчетливо видны всем желающим.

«Не хватало еще, чтобы она с ним укатила!» – останавливаясь, подумала я. Выскочив из машины, бросилась отнимать нужную мне жрицу любви.

– Мальчики, девочка занята. Возьмите другую.

– Слышь, красавица, может, ты с нами покатаешься?

– В другой раз, ребята, – напустив на себя официальный вид, строго уставилась на них, – удостоверение предъявить?

Любители «клубнички» тотчас поскучнели и дали газ. Голубь едва успела выдернуться из машины.

– Ты?!!

Как видно, она меня тоже не забыла.

Памятуя ее луженую глотку, я на всякий случай предупредила:

– Вздумаешь орать, удавлю! Живо в машину!

– Кальмар! – все же заорала она. Видимо, у нее такая реакция на все происходящее.

Я перехватила ее руку повыше локтя и отнюдь не нежно сдавила пальчиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.